

ЕЖИ, ЧЕРВИ И ДРУГИЕ ПРЕДМЕТЫ

[АЛЕКСЕЙ СТРЕЛЬНИКОВ]
ТЕАТРАЛЬНЫЙ КРИТИК

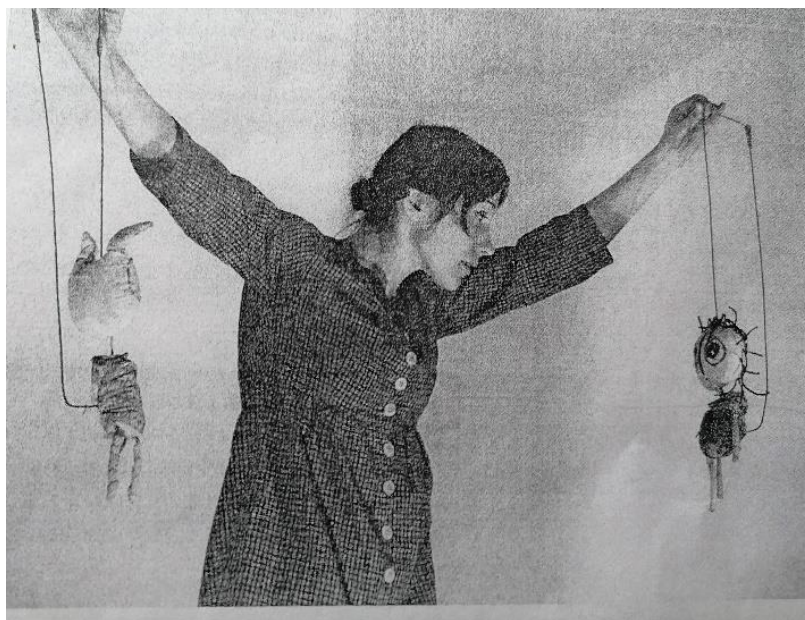
Спектакль «Домашний еж» появился в 2004 году, но в белорусском театре это заметили немногие... Не вышло рецензий, на показах не видно было старших товарищей по цеху или театральных начальников. Будто бы его и не было вовсе. Для меня это стало своеобразным откровением: большие театры живут сами по себе, со своими спектаклями, премьерами, пресс-конференциями, чиновниками в ложах, а маленькие спектакли, сделанные «на коленке», вызывающие восторг у всех подряд,

— как-то отдельно, никак на остальной театр не влияя. Но с «Домашним ежом», казалось, так и надо. Вряд ли он так же здорово смотрелся и принимался бы на помпезных театральных площадках, как на концертах в клубах или квартирниках. «Театральное» будто бы вырвалось из своего определения в словаре и пошло захватывать новые территории.

«Домашний еж» — это бесхитростная притча в духе питерских митьков, рассказанная их главным идеологом Владимиром Шинкаревым.

Вот ежик дружит с кошкой, идет к ней жить, вот она влюбляется в хорька, а ежик становится бездомным, вот его приютили в больнице, и уже кошка, брошенная хорьком, приходит к нему, но прошлого не вернуть, а будущего не построить. ..

Эту историю рассказывала девочка в странном давнишнем пальто и платье, с баяном и чемоданом (очень важный образ для творчества этого автора в целом), из которого вдруг достают героев: ежа, кошку, хорька.

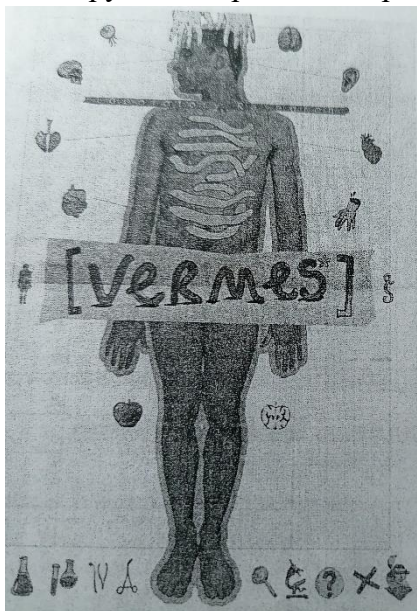
Спектакль был созвучен то ли «Сказке сказок», то ли чему-то сделанному своими руками в детстве с помощью ножниц и ниток. Ощущение усиливалось оттого, что исполнительница не

стремилась «оживить» кукол, а будто бы играла с ними, как маленькая, а потом вдруг отходила, исполняла пассаж на баяне, рассказывала очередной поворот истории...

в этом было так мало привычной выскобленной, выстиранной театральности, к тому же — непохожий ни на что текст, зазвучавший в устах исполнительницы заинтересованно и точно...

Судьба бедного ежика трогала, и было еще грустнее от осознания, что это все жизнь и винить некого.

Мне было совершенно очевидно, что произошла встреча с уникальным и самобытным явлением. Выяснилось, что автор и исполнитель спектакля Светлана Бень (хотя нет, не так! Бенька ее зовут, но чаще ласково Бенечка) заканчивает нашу Академию искусств режиссером театра кукол у Алексея Лелявского и после учебы пойдет работать к нему, в Белорусский государственный театр кукол. Но возможен ли этот феномен на театральной сцене, в рамках театрального механизма, направленного на конкретные и узкие художественные цели? Или его место только в маргинальных условиях клуба, в качестве интермедии к концерту? В Беларуси кукольному театру очень трудно выбраться из прокрустового ложа «развлечения для детей»

(на прошедшем прошлой осенью кукольном театральном фестивале это было очень заметно). И те детские спектакли Светы Бень, которые довелось увидеть, поначалу подтвердили мои опасения. Сделанные по авторским инсценировкам дипломный спектакль «Собачка Соня» в витебском театре «Лялька» и «Ужасный дядюшка Ау» (уже в качестве очередного режиссера Белорусского государственного театра кукол) не стали прорывом. Спектакли эти воплощали в себе авторские представления о детском театре как о чем-то ярком, веселом, заводном и ни в коем случае не морализаторском.

Но вместе с тем чувствовалось какое-то непонимание между режиссером и загадочным и бескомпромиссным «юным зрителем».

Оживляясь в сценах погонь и сражений, зритель этот мгновенно выключался, стоило персонажам просто начать разговаривать. Это типично для детского театра вообще, но в спектаклях Светланы Бень чувствовалось желание прорваться к этому зрителю, завязать с ним знакомство,

вовлечь в действие. Например, к своему новому спектаклю «Пеппи Длинный чулок» Света попросила сделать эскизы самих детей, а по действию он уже больше похож на новогодний утренник: детям вовсе необязательно сидеть смиренно, им задают вопросы, вовлекают в игры. Особенно по этому спектаклю видно, что режиссеру неинтересно завораживать своих зрителей, что куда больше ее увлекают театральные странности и чудеса и ей интересней пригласить их поудивляться вместе.

Сцена из спектакля «Черви». Фото Т. Гаврильчик

Вне театра кукол Светлана Бень не прекращала своих экспериментов, которые на первый взгляд совсем непохожи на привычный детский театр.

Еще в качестве учебной работы было сделано «Чудо святого Антония», вместо кукол были использованы электронные схемы и лампочки, они будто бы обменивались сигналами, которые переводила для нас автор спектакля. Текст Метерлинка очуждался, таким образом, дважды:

минимализмом исполнения (снова текст не играет, а наоборот «играют» в текст и бесстрашностью интонации рассказчика).

Одним из самых интересных событий этого театрального сезона стал спектакль "Черви" ("Vermes"), сделанный группой белорусских актёров-кукольников совместно с художником Сергеем Шабохиным и композитором Александром Либерзоном в рамках европейского проекта "SONE/KALEIDOSKOP"

Первая часть спектакля представляет собой лекцию о червях. Света Бень в белом халате с медицинскими инструментами в руках, серьезно цитирует отрывки из биологических энциклопедий, иллюстрируя их какими-то примитивными но наглядными театральными приемами, которые больше напоминают перформансы или кавээновские пародии ("поролоновых червей разрезают, отрезанные кусочки демонстрируют их «живучесть», когда же отрезают голову поролоновому человечку, из тельца вдруг начинает хлестать струйка крови).

Фото Л. Погодиной

внутри него извивается, пытается найти выход...

Нас не пугают специально, жутко становится именно от понимания предельности сознания. Даже надевая своих персонажей в общем-то человеческой иронией, создателям удалось показать, что черви во многом превосходят людей (например, они бессмертны) и это как-то странно связано с их неразумностью...

Для Светланы Бень как для театрального режиссера первичен все-таки не мир чувств, не мир отношений, а предметная составляющая действительности. Мир раскладывается на вещи, на физическое, на то, до чего можно дотронуться. И в ее спектаклях (даже детских) есть попытка вернуть предметам истинное предназначение, заставить их говорить с нами и таким образом обрести истинное понимание себя самого.

В моей статье есть одно важное упущение. Стоило сразу сказать, что Света Бень — лидер ансамбля «Серебряная свадьба».

Это вообще такая мода у молодых белорусских артистов — собираться в музыкальные группы и активно себя реализовывать (на театральной сцене своей очереди не дожидаясь).

Еще в начале своего творческого пути, после спектакля «Домашний еж» Бенька (в этом контексте уместен ее сценический псевдоним), как правило, переодевалась и с тем же баяном в руках устраивала шоу — яркое и заводное зрелище в духе французского кабаре.

Противостояние Жизни тут тоже чудилось в каждой песне, но лирическая героиня будто бы говорила — боже упаси плакать по этому поводу.

В одной из недавних песен это сформулировано особенно точно:

Она одна в ресторане

Танцует среди пьяных компаний.

Она сегодня пропьет всю зарплату,

Но не вернется к этому гаду.

В зале все это вызывает смех, при том что со сцены опять-таки абсолютно бесстрашно нам сообщают, что на нашей планете есть и более совершенные виды (во всяком случае в биологическом смысле).

Во второй части уже черви как бы «изучают» людей: вот они ползают по руке «опытного образца», вот уже потащили куда-то руку, вот имитируют театр (в спектакле много шекспировских аллюзий). Стоит нам подумать, что сами червячки при этом остаются маленькими забавными существами, как вдруг через сцену начинает ползти огромное кольчатое чудовище, и человек

Конечно же, все ее театральное творчество обрело четкий музыкальный акцент, однако и сам ансамбль оказался хорош и примечателен именно своей театральностью. В феврале 2008 года Светлана вместе со своим ансамблем и приглашённым артистом Купаловского театра Александром Казелло участвовала в вечере Брехта, исполнив несколько версий его зонгов, а через год проект

разросся до целой программы в духе немецкого кабаре.

Как и должно, это стало не концертом, а таким квазитеатральным действием, в котором исполнение каждой песни превращалось в мини-спектакль.

Интерес к Брехту не случаен, элементы эпического театра давно стали для Светы Бен' привычными выразительными средствами. Однако в ближайшее время мы точно не увидим её авторской интерпретации "Мамаши Кураж" и

"Трёхгрошёвой", разве что, в форме кабаре.

В этой краткой творческой справке об одной из самых интересных фигур современного белорусского театра легко получилось не упоминать основные белорусские фестивали, на которые её не приглашали, большие белорусские театры, с которыми она не сотрудничала, руководителей театральных союзов которые ей не помогали. В общем, информация о том, что Светлана Бен' уходит из театра кукол, потому что концертная и гастрольная деятельность

приносят ей больше материальных благ и творческого удовлетворения, не должно удивлять ("Театр останется, - уверяет она - Без театра никак! Просто сейчас мало времени")

Мне остаётся ждать, когда же в её плотном графике возникнет пространство для создания нового театрального действия.

Признаюсь, соблазн переквалифицироваться в ресторанные критики настолько велик, что что не уверен дождусь ли.

"Театр меня начинает волновать, когда я вижу или чувствую, что людям действительно интересно то, чем они занимаются, когда им есть что сказать, когда им всё равно поймут ли их. Даже если увиденное мне непонятно, неблизко или неприятно. Вздвигнутость и безразличие - заразные штуки.

Алексей Стрельников